

Н. Е. ХАРЛАМЕНКОВА

САМОУТВЕРЖДЕНИЕ ПОДРОСТКА

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Наталья Харламенкова

Самоутверждение подростка

«Когито-Центр»

2007

Харламенкова Н. Е.

Самоутверждение подростка / Н. Е. Харламенкова — «Когито-Центр», 2007

На основе богатого историко-психологического материала раскрывается содержание феномена самоутверждения личности. Субстратный, атрибутивный, структурный, функциональный и генетический виды анализа проблемы позволяют построить авторскую системно-генетическую концепцию утверждения личностью ценности собственного Я. На материале лонгитюдного исследования подростков проверяется основная теоретическая гипотеза о том, что самоутверждение личности является базовым личностным конструктом, закономерно и системно изменяющимся в процессе взросления. Решение подростком таких задач, как формирование половой идентичности, принятие гендерных ролей и перестройка отношений с родителями определяет предмет и средства его самоутверждения. Вывод об общих закономерностях самоутверждения личности делается на основе сопоставления данных, полученных на подростковом возрасте, с особенностями взросления в период юности и ранней зрелости. Обсуждается проблема компенсаторных возможностей личности при различных условиях депривации. Книга предназначена для специалистов в области психологии личности и психологии развития. 2-е издание, исправленное и дополненное

© Харламенкова Н. Е., 2007

© Когито-Центр, 2007

Содержание

Предисловие	5
Введение	7
Глава 1.	12
1.1. Принцип системности	14
1.2. Принцип развития	18
1.3. Принцип субъекта	22
1.4. Система принципов	27
Глава 2.	29
2.1. Психоаналитическая парадигма: постановка проблемы	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталья Евгеньевна Харламенкова

Самоутверждение подростка

2-е издание, исправленное и дополненное

Предисловие

Настоящая монография представляет собой 2-ое дополненное и исправленное издание книги «Самоутверждение подростка», которая впервые была опубликована в 2004 г. в Издательстве «Институт психологии РАН». Возможность еще раз вернуться к содержанию книги позволила автору пересмотреть целый ряд положений, которые приобрели в ней иное звучание.

Прежде всего, в отличие от первого издания в монографию включена глава «Общая методология исследования» (Глава 1), в которой изложены основные философские принципы, лежащие в основе разработанной автором теории. Общая логика главы построена таким образом, что каждый принцип – принципы системности, развития и субъекта – рассматривается в историческом ключе, а затем дается его формулировка, раскрывающая смысловое содержание принципа, важное для настоящего труда. В конце главы рассматривается система методологических принципов, представляющая собой единую философскую основу, исключение из которой хотя бы одного из них нарушает целостное представление о проблеме.

В новой монографии иначе представлен материал Главы 1 первого издания монографии. Теперь он разделен на две части: «Самоутверждение личности в истории психологии» (Глава 2) и «Теория самоутверждения личности» (Глава 3). Каждая из этих глав дополнена новым материалом, однако оригинальная авторская концепция – теория самоутверждения личности, ее формулировка и ключевые положения – оставлены в неизменном виде. В главе, посвященной теории, проводится научный анализ проблемы, для осуществления которого применяются такие научные процедуры, как субстратный, атрибутивный, функциональный, структурный и генетический виды анализа, дается общая формулировка теории, ее шести базовых положений, приводится альтернативная концепция. Формулируется система теоретических гипотез. Глава, посвященная истории взглядов на самоутверждение личности (Глава 2), дополнена категориальным анализом понятий, таких как самопредъявление, самораскрытие, самовыражение, самоопределение (§ 2.5), обозначающих близкую, но не идентичную самоутверждению личности реальность. Сопоставляются и разводятся понятия, которые часто используются как синонимы слова «самоутверждение».

Глава 4 «Пубертат: норма и патология» (в прежнем издании это Глава 2), посвященная особенностям развития подростка, также оставлена в прежнем виде и включает в себя теоретический и эмпирический материал, раскрывающий особенности нормального и аномального развития человека в этот период жизни; подробно описываются особые случаи развития, вызванные хромосомными дефектами – синдром Шерешевского-Тернера и синдром Свайера.

Существенным образом перестроена Глава 3 прежнего издания «Эпигенез и основные задачи подросткового возраста». Во 2-ом издании монографии «Самоутверждение подростка» – это Глава 5 с новым названием «Взросление и его особенности на разных стадиях развития личности», в которой проблема эпигенеза занимает часть главы (параграф 5.1), а остальной материал посвящен новой теме – взрослению, которое раскрывается в контексте сравнения с понятиями «развитие» и «функционирование». Далее анализируются основные проблемы подросткового возраста, и для сопоставления – проблемы периода юности и ранней взрослости. Формулируется система эмпирических гипотез.

Для проверки эмпирических гипотез и, как следствие, теоретических предположений проводится исследование, направленное на изучение самоутверждения личности как закономерного процесса обретения человеком ценности собственного Я (Глава 6 «Самоутверждение личности в процессе взросления: верификация теории»); последовательно и тщательно проверяются все сформулированные автором гипотезы. В настоящем издании дано развернутое обоснование каждого из использованных методов, проведено подробное описание выборки. Основные результаты и их интерпретация оставлены в неизменном виде. В конце главы делаются выводы о подтверждении искомой и отвержении альтернативной теории.

Последняя глава монографии (Глава 7 «Взросление и компенсаторные возможности личности») включает в себя новый материал, который представляет собой результаты последних исследований автора, полученные им самим и его аспирантами и соискателями. В главе излагаются данные разных исследований, которые изначально не были направлены на изучение компенсации, но, как оказалось, так или иначе, касаются этого вопроса. Раскрывая в своем исследовании один из фундаментальных тезисов о том, что фрустрация решения задач взросления не влияет на развитие личности и ее самоутверждение, которое может происходить компенсаторным путем, автор получает подтверждение этого тезиса как в собственном исследовании, при анализе компенсаторных механизмов, направленных на достижение ценности Я, так и в исследованиях, предметом которых стала компенсация физических недостатков, в частности слабости зрительной функции (О. В. Кузнецова), компенсация дефицита родительского внимания, вызванного семейной депривацией (А. К. Рубченко), компенсация как психологическая защита от трудностей при дисгенезии полового развития разного происхождения (А. В. Соловьева). В конце главы предлагается авторская модель изучения случаев аномалий полового развития, в которой учитываются общеметодологические, теоретические и конкретно-научные принципы исследования психологии человека как субъекта собственной жизни.

Во Введении и Заключение рассматриваются самые общие вопросы, без которых, однако, невозможно, с одной стороны, понять актуальность, степень разработанности и новизну изучаемой проблемы, настроиться на последовательное восприятие разной по своей обобщенности информации, с другой стороны, вместе с автором завершить обсуждение поставленных в монографии вопросов, понимая, что полученный в работе дополнительный материал может в последующем стать основой для формулировки новых гипотез.

Монография построена по гипотетико-дедуктивному принципу, т. е. по принципу перехода от общего к частному. В связи с этим знакомство с двумя последними главами (Глава 6 и Глава 7), в которых излагаются результаты проверки эмпирических гипотез должно следовать за главой, посвященной теории самоутверждения личности (Глава 3). При этом методологическую (Глава 1) и историко-психологическую (Глава 2) главы можно читать как до, так и после знакомства с теоретической и эмпирической частями исследования. Учитывая тот факт, что самоутверждение личности не может быть рассмотрено вне общих закономерностей развития личности, вне генеза, автор рекомендует остановиться на Главе 5, в которой излагается проблема взросления личности, раскрывается ее содержание.

Предлагаемая читателю книга представляет собой завершенное исследование самоутверждения личности в процессе взросления, при этом автор не исключает возможности дальнейшей работы над искомой проблемой, оставляя за собой право переосмысления и дополнения того, что было им получено к настоящему времени.

Посвящается моим родителям

Введение

Чувство собственной ценности является одним из показателей нормального развития личности. Именно этому чувству и стратегиям Эго, поддерживающим его, и посвящена данная книга. Она является продолжением опубликованной ранее монографии «Феномен человеческого самоутверждения», написанной двумя авторами – Е. П. Никитиным и Н. Е. Харламенковой. Основные идеи, изложенные в первой монографии, находят продолжение и более глубокое толкование в настоящем издании, прежде всего, потому, что проецируются на подростковый возраст – период наиболее интенсивного и экстенсивного развития телесных и психических функций.

Автор не предполагал охватывать все, традиционно относимые к пубертату проблемы, поскольку такой выбор предопределил бы само содержание книги как еще одной работы о трудностях подросткового возраста. Основная цель монографии – изложить свой взгляд на самоутверждение личности и показать специфику этого феномена в контексте решения подростком возрастных задач. Все остальные вопросы, которые будут рассматриваться в отдельных главах книги (половая идентичность, защитные механизмы и др.), безусловно, представляют собой отдельные, самостоятельные научные проблемы, но в данной монографии они будут иметь значение только в пространстве главной темы – самоутверждения подростка. Для определения общих закономерностей самоутверждения личности в процессе взросления подростковое развитие сопоставляется с развитием личности в период юности и ранней взрослости.

Актуальность изучения проблемы самоутверждения личности состоит в том, что преобразование экономических и социальных условий реальности стимулирует развитие субъектом инициативы, ответственности, предприимчивости, одновременно способствуя появлению негативных феноменов: демонстрации превосходства, обесценивания успехов, амбициозности, с одной стороны, страха удаи, выученной беспомощности, конформности, с другой. Кроме того, возросший интерес обыденного сознания к так называемому асертивному поведению, детерминированному установкой человека на утверждение своего суверенного Я, делает весьма актуальным обращение к исследованию проблемы самоутверждения личности. Появление в общественной жизни и сознании человека подобных процессов, вызванных социально-политическими трансформациями, требует компетентного ответа психологической науки. Этот ответ должен включать в себя не только констатацию факта асертивного поведения, но давать объяснение причинам его возникновения, выявлять степень позитивного и негативного влияния на субъекта деятельности и его окружение, определять закономерный или стихийный характер его актуализации, критериально выделять варианты самоутверждения личности и их устойчивость в процессе жизнедеятельности.

Специфическая ситуация, сложившаяся в науке, способствует осуществлению целенаправленного и системного анализа сложных психологических конструкторов, одним из которых и является самоутверждение личности. Эта ситуация определяется тем, что последовательно разрабатываются методологические принципы и теоретические подходы к анализу личности как субъекта общения, деятельности, жизненного пути (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский), поставлены и реализованы задачи целостного исследования самосознания и самоидентичности личности (И. И. Чеснокова, Е. Т. Соколова, В. В. Столин), стиля саморегуляции (О. А. Конопкин, В. И. Моросанова), предложено оригинальное обоснование базисных психологических категорий (например, категории «субъект», «мотив», «действие» и др.) метапсихологическими категориями («Я», «ценность», «деятельность», «сознание» и др.) (А. В. Петровский, В. А. Петровский), продолжен методологический и теоретический анализ категории «развитие» (Л. И. Анцыферова, Д. Н. Завалишина, Е. Ф. Рыбалко) в аспекте системогенеза (В. Б. Швырков, Ю. И. Александров), онтогенеза (И. В.

Равич-Щербо, Т. М. Марютина, Е. А. Сергиенко, В. И. Слободчиков, Г. А. Цукерман, Д. И. Фельдштейн), историко-эволюционного подхода (А. Г. Асмолов).

Интенсификация методологических, теоретико-психологических и эмпирических исследований в области психологии личности, прежде всего, личности как субъекта деятельности и жизнедеятельности (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, А. А. Деркач), как субъекта понимания (В. В. Знаков), активности (А. К. Осницкий) и преобразования (например, преобразования личностных свойств в ходе мыслительного процесса) (В. В. Селиванов), а также адаптация и конструирование валидных методических средств, направленных на диагностику и исследование глубинных личностных механизмов (Л. Ф. Бурлачук, Д. А. Леонтьев, Е. Т. Соколова, В. М. Мельников, Л. Т. Ямпольский), способствовали осуществлению перехода от простой констатации наличия/отсутствия у человека тех или иных личностных черт к изучению сложной личностной динамики, включающей в себя процессы самореализации, самоутверждения и самоактуализации.

Существенным основанием для последовательного и системного изучения искомой проблемы явилась готовность современной науки к проведению историко-психологического и категориального анализа психологического знания в разных школах по самым общим методологическим и теоретическим проблемам науки (А. Н. Ждан, В. П. Зинченко, В. А. Кольцова, Т. Д. Марцинковская, Н. И. Чуприкова, М. Г. Ярошевский) и по проблеме самоутверждения личности (А. И. Розов, С. Л. Березин, И. И. Кузьменков).

На современном уровне знания проблема самоутверждения личности актуализировалась в связи с интенсивным изучением процессов, в которых отражаются различные аспекты самоосуществления – самовыражения (К. А. Абульханова-Славская), самоидентичности (Е. Т. Соколова), самоопределения (А. В. Петровский, М. Р. Гинзбург, В. Ф. Сафин), самореализации (Л. М. Митина, Л. В. Попова). Именно сейчас многих перестала удовлетворять ситуация, когда перечисленные категории употребляются как синонимы, на самом деле обозначая неидентичные процессы. Наметившееся несоответствие между фактами и их объяснением вызвало актуальную необходимость в дифференциации понятий, а значит и в раскрытии специфики той реальности, которую они определяют.

Потребность во всестороннем исследовании *феномена самоутверждения личности*, который понимается как стремление к получению подтверждения о собственной ценности посредством установления эквивалентных отношений между оценкой Я и объектами, обладающими ценностью, синхронно возникшая в разных сферах жизни – в фундаментальной и прикладной науке, в общественном сознании и практике, определяет *актуальность проблемы* исследования.

Степень разработанности проблемы. Обычно формулировка темы и гипотез исследования в терминах эксплицитной теории предвосхищаются определением проблемы в терминах имплицитной концепции (В. Н. Дружинин), которые, как правило, непротиворечиво дополняют друг друга, практически никогда не находясь в оппозиции (Р. Стернберг). Несмотря на то, что это положение можно считать нормативом, рассогласование между явным и неявным знанием возможно. Оно возникает тогда, когда, либо эксплицитная, либо имплицитная теория закрыты для новых идей и строятся на стереотипных, иногда достаточно частных конструктах, возведенных в степень общих закономерностей. Аналогичная ситуация складывается при исследовании самоутверждения личности на современном этапе развития науки, хотя для истории разработки этой проблемы ее нельзя назвать типичной.

К настоящему времени известна только одна системно разработанная теория самоутверждения личности – теория А. Адлера, во многом, однако, основанная на клинических случаях. Адлер подробно рассмотрел две стратегии самоутверждения человека – личное превосходство, обсуждая его как невротический вариант, и конструктивное превосходство как стратегию нормально функционирующей личности.

Исследования, проведенные в других парадигмах – гештальтпсихологии (К. Левин), гуманистической психологии (К. Роджерс, А. Маслоу), не были специально посвящены проблеме самоутверждения личности и рассматривали ее как частную задачу.

Современные работы по проблеме самоутверждения личности усилили те тенденции, которые были лишь намечены в психологии начала и середины XX в. Во-первых, самоутверждение стали неадекватно соотносить с намерениями и действиями, не имеющими нравственных оснований (С. Л. Березин, А. И. Розов, Н. Ф. Цыбра), во-вторых, рассматривать его как совокупность поведенческих (вербальных и невербальных) стратегий без учета собственно психологических механизмов (например, когнитивных и эмоциональных) (R. Alberti, M. L. Emmons, A. R. Rich, H. E. Schroeder и др.), в-третьих, толковать потребность в самоутверждении и ее реализацию как частный личностный мотив, выраженный у отдельных индивидов, либо как намерение, актуализирующееся под влиянием ситуации (Н. Ф. Цыбра, В. Д. Евстратов, Х. Хекхаузен).

В целом наметилось существенное рассогласование между имплицитными представлениями о самоутверждении личности и его эксплицитным конструированием. В обыденном знании самоутверждение представлено очень разнообразно и, прежде всего, как устойчивое побуждение, реализация которого вносит позитивный вклад в развитие самооценности, самодостаточности и зрелости личности. В эксплицитных теориях самоутверждение трактуется необоснованно узко, а именно как ситуативная мотивация, актуализирующаяся под влиянием внешних факторов, либо как устойчивые поведенческие стратегии, способствующие или препятствующие достижению поставленных субъектом целей. Отсутствие специальных работ, посвященных проблеме самоутверждения личности, системно раскрывающих функции, атрибуты, структуру и генез утверждения личностью ценности собственного Я при разных условиях взросления, отражают реальное и неудовлетворительное состояние проблемы.

Несоответствие между актуальностью проблемы самоутверждения личности и степенью ее разработанности позволили сформулировать основную *цель* исследования, которой является системный анализ закономерностей самоутверждения личности в процессе взросления.

Теоретико-методологической основой исследования выступают: принцип системной организации психики (П. К. Анохин, В. А. Барабанщиков, А. А. Деркач, Б. Ф. Ломов, А. А. Митькин, В. Д. Шадриков), принцип развития (Ю. И. Александров, Л. И. Анцыферова, Д. Н. Завалишина, Т. М. Марютина, Н. С. Лейтес, Е. А. Сергиенко, В. Б. Швырков), принцип субъекта (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова-Славская), принцип активности (Д. Н. Узнадзе, И. А. Джидарьян, А. В. Петровский, В. А. Петровский) и принцип историзма (А. Н. Ждан, В. А. Кольцова, Т. Д. Марцинковская), а также принципы конкретно-научной методологии (Е. П. Никитин).

Общеметодологические принципы нашли отражение в фундаментальных теоретических положениях о преемственности, целостности, завершенности психического развития, его системности, качественном характере и эквифинальности, в положении о различиях между процессами развития и функционирования и их соотношении в ходе жизнедеятельности, о сензитивных и критических периодах развития, о субъекте как источнике активности.

Теоретической основой исследования явились работы, направленные на изучение самоутверждения (А. Адлер, Х. Шульц-Хенке, К. Левин, А. Маслоу), самоидентичности личности (Э. Эриксон, Е. Т. Соколова), самоуважения (Х. Кохут), уверенности в себе (А. А. Lazarus, A. R. Rich, H. E. Schroeder и др.); исследования, посвященные проблеме ценностей (О. Г. Дробницкий, Д. А. Леонтьев, Г. Л. Будинайте, Т. В. Корнилова), механизмам опосредствования (В. В. Давыдов, А. В. Брушлинский), проекции, интроекции и идентификации (К. Юнг, М. Кляйн, П. Хайманн, Ж. Бержере, Н. Маквильямс).

Изучение взросления и его особенностей строилось на основе работ, раскрывающих механизмы развития и функционирования психики и исследований, посвященных общим

вопросам психологии подростка (Л. С. Выготский, Х. Ремшмидт, А. А. Реан, Д. И. Фельдштейн, R. Havighurst, A. C. Petersen, R. Larson, M. Ham) и взрослого (Э. Эриксон, Дж. Баттерворт, М. Харрис), а также более частным проблемам – формированию половой и гендерной идентичности (Е. Т. Соколова, Ф. Тайсон, Р. Тайсон, В. Е. Каган, И. С. Клецина, С. Н. Ениколопов, Н. В. Дворянчиков), отклонениям в развитии, связанным с хромосомными аномалиями (Ю. А. Гуркин, Е. В. Уварова), детско-родительским отношениям (Е. А. Сергиенко, Э. Г. Эйдемиллер), проблеме интимно-личностного общения в период ранней взрослости и одиночеству (S. K. Baum; L. A. Replau; E. DiTommaso и др.).

Основой методического обеспечения исследования стали фундаментальные труды по адаптации и конструированию тестов, принципам их стандартизации и валидизации (Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов, В. М. Русалов, Е. Т. Соколова, П. Клайн, А. А. Бодалев, В. В. Столин).

Подростковый возраст является сензитивным периодом для исследования проблемы утверждения личностью своего Я, прежде всего, потому, что в этот период происходят интенсивные гормональные и телесные изменения, развивается когнитивная и эмоциональная сферы психики, реконструируются отношения с родителями и сверстниками, формируется Эго-идентичность, осуществляется произвольная регуляция поведения, актуализируются разнообразные защитные механизмы.

Темп и интенсивность биологического созревания организма подростка напрямую не влияют на его психический статус, однако, играют не последнюю роль в адаптации личности к изменяющимся социальным требованиям. Тем не менее, в характере «связи между физиологическими изменениями и психическими или психосоциальными типами поведения до сих пор остается много неясного» (Ремшмидт, 1994, с. 82). «Очевидно, что физиологические изменения закладывают основу для разнообразных психических и психосоциальных перестроек, но их не вызывают. Это соответствует общему принципу развития, согласно которому сначала создаются предпосылки для функции и лишь затем возникает она сама» (там же, с. 83).

Наиболее адекватным подходом к исследованию подростка является генетический принцип, или принцип развития. Нам представляется, что именно с таких позиций следует подходить к любой проблеме этого возраста, в том числе и к проблеме самоутверждения личности. Генезис изучаемого феномена в аспекте последовательности, преемственности и качественной новизны каждой стадии развития делает существенный вклад в научное понимание и трактовку искомой проблемы.

Обычно термин «развитие» используется для обозначения общего, парадигмального подхода к анализу проблемы, который обозначает изменение, связанное с преобразованием во внутреннем строении объекта, в его структуре, переход от структуры одного качества к структуре другого качества. Говоря о развитии, отмечают форму изменения (эволюцию или революцию) и направление (прогресс и регресс). Различают индивидуальное (онтогенез) и историческое (филогенез) развитие, где первое рассматривается как закономерное изменение живого существа, происходящее от момента его рождения до момента смерти, а второе – как развитие организмов и систематических групп в течение всего времени существования жизни.

Онтогенез можно изучать с двух точек зрения: 1) с позиции анализа и констатации количественных изменений в психике человека; 2) с установкой на поиск качественных (в том числе и структурных) преобразований, которые сменяют друг друга в определенной последовательности. Примерами психологических концепций, в которых качество и последовательность развития занимают одно из ведущих мест, являются теории Ж. Пиаже, Э. Эриксона, Р. Шпица, К. Абрахама и др. Так, согласно Пиаже «психическое развертывание не является ни постоянным и непрерывным процессом, ни резко прерывающимся процессом с внезапными достижениями, ни чисто хаотичным. Он отмечает, что существует строгая последовательность, в какой ребенок приобретает новые способности, одинаковые для всех детей, независимо от их про-

исхождения, прежнего опыта, мотивации и одаренности. Таким образом, Пиаже подходит к концепции стадий психического развития, именно этим термином обозначая данные универсалии...» (Шпиц, Коблинер, 2000, с. 306–307).

Применение принципа развития к изучению различных аспектов самоутверждения подростка позволяет сделать исследование валидным, раскрывая динамику сложных личностных характеристик при одновременном более глубоком (качественном и количественном) анализе теоретических и эмпирических конструкторов.

Монография состоит из введения, семи глав и заключения.

В первой главе обсуждаются общеметодологические принципы исследования – принцип системности, принцип развития, принцип субъекта и принцип активности; определяются общие основания авторской системно-генетической концепции самоутверждения личности.

Во второй главе читатель знакомится с историей взглядов на самоутверждение личности, которая была создана выдающимися психоаналитиками: Альфредом Адлером, Эриком Эриксоном, Харальдом Шульц-Хенке и Хайнцом Кохутом, а также известными психологами-гуманистами – Карлом Роджерсом и Абрахамом Маслоу, занимавшимися как проблемой самоутверждения личности, так и другими, близкими к ней вопросами – самоощущением, самореализацией и самоактуализацией. Обсуждаются взгляды гештальтпсихологов (К. Левин) и бихевиористов (Р. Альберти, М. Эммонс) на природу утверждения личностью ценности Я.

В третьей главе излагаются собственные взгляды автора на искомую проблему. С помощью различных научных процедур – субстратного, атрибутивного, функционального, структурного и генетического видов анализа – исследуются ключевые вопросы данной темы. Далее, на основе результатов анализа проводится научный синтез отдельных аспектов проблемы, создается общая теоретическая модель самоутверждения личности.

В четвертой главе монографии обсуждаются особенности подросткового периода жизни: физическое созревание, когнитивное и эмоциональное развитие; анализируются проблемы, связанные с отклонениями в развитии подростка. Особое внимание уделяется отклонениям, вызванным хромосомными аномалиями – дисгенезии гонад (тому, что в медицине называется синдромом Тернера и синдромом Свайера); дается краткая психологическая характеристика каждой формы заболевания.

В пятой главе книги излагается история взглядов на эпигенез, упоминаются исследования биологов – Х. У. Гарвея, К. Вольфа, И. Блюменбаха, а также эпигенетические теории в психологии – концепции К. Абрахама, Р. Шпица, Э. Эриксона, делается вывод о неоднозначности понимания и толкования принципа эпигенеза. Предлагается своя трактовка поступательного развития личности, вводится новый термин «взросление». В этой же главе проводится теоретическое исследование проблемы взросления с точки зрения решения подростком, юношей и взрослым основных возрастных задач, предполагающих установление дифференциации Я – Другой.

В шестой главе обсуждаются результаты исследования самоутверждения подростка в аспекте взросления, анализируются стратегии и типы самоутверждения личности, доказывається гипотеза об универсальности стадий утверждения подростком самого себя. Общая картина самоутверждения личности дополняется данными, полученными при исследовании юношей/девушек и взрослых людей.

В седьмой главе обсуждаются проблемы компенсации развития при различных видах депривации.

В заключении отмечаются перспективы исследования самоутверждения личности, формулируются новые задачи и гипотезы.

Глава 1.

Общая методология исследования

Согласно В. А. Лекторскому и В. С. Швыреву (Лекторский, Швырев, 1972), существует несколько уровней методологического анализа проблемы: уровень философской методологии, уровень общенаучных принципов и форм исследования, уровень конкретно-научной методологии, уровень методик и техник исследования. Подобного же мнения придерживаются не только философы и методологи, но и специалисты конкретных областей научного знания, полагая, что перед каждым автором стоит задача определения своей исходной общенаучной (парадигмальной) позиции.

В психологии эта познавательная-исследовательская стратегия учитывается и активно реализуется при обсуждении наиболее общих вопросов психологии – ее предмета, метода, задач, истории и логики развития (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов, Е. В. Шорохова, В. В. Давыдов, В. П. Зинченко, М. Г. Ярошевский, А. Н. Ждан, В. А. Кольцова, Т. Д. Марцинковская), а также в ходе анализа проблем в таких областях психологии, как психология мышления и творчества (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, О. К. Тихомиров, Д. Н. Завалишина, Я. А. Пономарев, В. В. Селиванов и др.), социальная психология (Г. М. Андреева, А. Л. Журавлев), психология общих способностей (А. М. Матюшкин, В. Д. Шадриков, В. Н. Дружинин, М. А. Холодная, Д. В. Ушаков и др.), психология и психофизиология индивидуальных различий (В. Д. Небылицын, В. М. Русалов), психология личности (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, А. В. Петровский, В. А. Петровский, А. Г. Асмолов, В. В. Столин и др.), клиническая психология и нейропсихология (Б. В. Зейгарник, Е. Д. Хомская, Е. Т. Соколова и др.), психофизика (К. В. Бардин, И. В. Скотникова), в исследованиях нейрофизиологических основ психики (П. К. Анохин, В. Б. Швырков, Ю. И. Александров), в психологии труда и инженерной психологии (Л. Г. Дикая, В. А. Бодров).

Отечественная психология практически всегда придерживалась принципа единства методологии, теории и эксперимента, вне зависимости от политических и идеологических веяний, ведущей научной парадигмы и принадлежности авторской концепции к той или иной школе (Давыдов, 1998; Кольцова, 1999, 2002; Марцинковская, 2004; Ждан, 2000). Лишь в последнее время возникают дискуссии по вопросу бессистемности научных исследований в отдельных областях психологии (в частности в психологии личности), которая приводит к появлению так называемого «фельдшеризма» (по Л. С. Выготскому), некомпетентности в проведении исследовательской работы, о чем в частности указывается в работах Е. Д. Хомской (Хомская, 1997) и А. Г. Асмолова (Асмолов, 2004).

Методология научного исследования позволяет определить наиболее общее направление анализа проблемы, сформулировать исходные принципы, раскрыть их содержание, выделить конкретные теоретические конструкты, а последние – операционализировать и выразить в виде эмпирических переменных. Обсуждения, дискуссии по методологии психологии, исторические аспекты методологических исследований, новые подходы к методологии науки продолжают составлять одно из фундаментальных направлений современных психологических исследований (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анцыферова, Ю. И. Александров, А. Г. Асмолов, В. А. Барабанщиков, А. В. Брушлинский, А. А. Деркач, В. Н. Дружинин, А. Н. Ждан, А. Н. Журавлев, Д. Н. Завалишина, В. В. Знаков, В. П. Зинченко, В. А. Кольцова, В. Т. Кудрявцев, Б. Ф. Ломов, Т. Д. Марцинковская, А. А. Митькин, А. В. Петровский, В. А. Петровский, Е. А. Сергиенко, В. И. Слободчиков, А. В. Юревич, М. Г. Ярошевский).

Настоящее исследование базируется на ряде методологических принципов: системном принципе, принципе субъекта, принципе развития, а также на принципе активности лично-

сти. Следует остановиться на первых трех принципах (подходах), наиболее полно отражающих авторскую позицию. Предлагается следующая логика изложения отдельных принципов:

- общее представление о принципе (подходе);
- варианты трактовки принципа в психологии;
- обоснование одного из вариантов как наиболее приемлемого для изложения искомой научной проблемы самоутверждения личности.

1.1. Принцип системности

Известно, что системный подход нельзя в полной мере обозначить как открытие XX в. Отдельные системные идеи высказывались мыслителями естественно-научного и философского направлений еще в период античности, но лишь в XIX в. появляется так называемое «системное знание». В данном случае речь идет не о моносистемности, т. е. о целостности и многомерности объекта, а о полисистемности, т. е. представлении об объектах как сложных явлениях, изучаемых в разных связях и отношениях в многомерной картине мира. Именно поэтому «...системный подход в характерном для него отражении действительности исходит, прежде всего, из качественного анализа целостных объектов и раскрытия механизмов их интеграции» (Кузьмин, 1982, с. 8).

В 1954 г. в Сан-Франциско (в рамках ежегодного Заседания Американской ассоциации содействия развитию науки – AAAS) прошла сессия, посвященная проблеме Общей Теории Систем, на которой в аспекте различных наук – биологии, физиологии, экономики, математики и др. были поставлены и обсуждены общие вопросы системности (Л. фон Берталанфи, Р. Джерард, К. Боулдинг, А. Раппопорт). Именно с этого момента берет начало развитие системного подхода в науке в целом и в ее отдельных областях (Раппопорт, 1994).

В психологии подход к целостному исследованию человека был принят как отдельными исследователями (С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев, А. Р. Лурия, Б. М. Теплов, П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн), так и целыми научными школами (культурно-историческая теория, деятельностный подход, гештальтпсихология, субъектно-деятельностный подход, школа В. М. Бехтерева-Б. Г. Ананьева, школа Д. Н. Узнадзе и др.).

Многие исследователи исходили из того, что «базовым признаком системы является интегральная целостность или интегральное единство, а специфическим предметом изучения – интегральные свойства и закономерности объекта или комплекса» (Кузьмин, 1982, с. 3). Более того, предполагалось, что системный подход связан с *качественным анализом целостных объектов*, совокупностей, комплексов.

Итак, одним из первых вариантов системного подхода был принцип исследования сложного объекта (моносистемность) в его интегративной целостности (связности) и качественно-сти. Исследование системного объекта в ряду других систем, а также его системное развитие не всегда принималось во внимание (например, гештальтпсихологами).

Позднее появляется идея полисистемности, согласно которой «знание о предмете самом по себе, о нем как части макро– и микросистем действительности и, наконец, о взаимодействии его с внешним миром» (Кузьмин, 1982, с. 8) составляют четыре системы координат, в которых предмет существует, живет и действует одновременно.

Со временем и полисистемность, основанная на идее взаимодействия частей, элементов, компонентов разных целостностей, постепенно перестала удовлетворять ученых, имеющих дело с «живыми системами» (П. К. Анохин), поскольку предполагала значительное увеличение степеней свободы, ведущее назад, к асистемности. П. К. Анохин выступил против того, чтобы центральным свойством системы считать «взаимодействие множества компонентов». На самом деле это свойство не является изоморфным для различных классов явлений. Он утверждал, что системой (точнее, функциональной системой) «можно назвать только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие и взаимоотношения принимают характер взаимодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата» (Анохин, 1975, с. 35). Наличие предполагаемого, или ожидаемого результата (цели) выступает системообразующим фактором, позволяющим функционально объединиться различным элементам для его достижения. Поэтому «...именно результат функционирования

системы является движущим фактором прогресса всего живого на нашей планете» (там же, с. 37).

Понятие системы (по П. К. Анохину) неразрывно связано с идеей развития. Появление в 1937 г. нового понятия «системогенез» обозначило иной (наряду с понятиями «органогенез», «морфогенез») подход к изучению живых систем, развитие которых происходит по принципу: 1) гетерохронности закладки компонентов функциональной системы; 2) фрагментации органа в процессе эмбрионального развития; 3) консолидации компонентов функциональной системы и 4) минимального обеспечения функциональной системы.

Впоследствии наиболее серьезные дискуссии развернулись вокруг положения о системообразующем факторе и принципах развития системы (Брушлинский, 1999, 2003; Сергиенко, 2003).

Интеллектуальные инновации в области системных исследований были обобщены и развиты Б. Ф. Ломовым. Его вариант системного подхода, по словам В. А. Барабанщикова (Барабанщиков, 1997, 2000, 2002а, 2002б), был основан на нескольких источниках, наиболее важными из которых являются: 1) философско-методологические исследования системного подхода, выполненные В. П. Кузьминым (Кузьмин, 1982); 2) философские работы С. Л. Рубинштейна, посвященные проблеме детерминации психических явлений (Рубинштейн, 1959); 3) философско-психологические работы Б. Г. Ананьева, ориентированные на принципы комплексности и системности исследования человека (Ананьев, 1969); 4) теория функциональной системы П. К. Анохина и представление о системообразующем факторе (Анохин, 1975); 5) комплексные исследования свойств нервной системы, проведенные Б. М. Тепловым и В. Д. Небылицыным.

По Б. Ф. Ломову, системный подход базируется на шести следующих принципах.

1. Психические явления исследуются в различных системах координат: 1) как система, обладающая определенным качеством; 2) как внутреннее условие взаимосвязи и взаимодействия индивида со средой; 3) как совокупность качеств, развивающихся в процессе взаимодействия с макросистемами; 4) как результат взаимодействия с микросистемами.

2. Психические явления многомерны и должны рассматриваться в разных системах измерений по принципу полисистемности.

3. Система психических явлений представляет собой многоуровневую организацию, в которой выделяются такие подсистемы, как когнитивная, регулятивная и коммуникативная, каждая из которых также системно представлена.

4. Психика человека представляет собой «разнопорядковые качества и свойства», которые организованы по принципу пирамиды.

5. Многоплановость, многомерность и многоуровневость психического объясняется наличием целой системы детерминант, которые являются пластично изменяемой совокупностью факторов причинного и иного характера, обеспечивающей варианты развития человека как субъекта деятельности и общения.

6. Психические явления должны изучаться в динамике и развитии.

Б. Ф. Ломов писал, что «...природа психического может быть понята только на основе системного подхода, т. е. рассмотрения психического в том множестве внешних и внутренних отношений, в которых оно существует как целостная система» (1975, с. 40).

Отмечая значительность вклада Б. Ф. Ломова в развитие системного подхода в психологии, В. А. Барабанщиков (1997) подчеркивает, что дальнейшее развитие философских представлений о системности состояло не только в том, чтобы синтезировать теоретические и эмпирические исследования в области психологии, растущие в геометрической прогрессии, но и в том, чтобы избежать фрагментарности, вызванной дробностью и разобщенностью исследований отдельных проблем, а вместе с ней и противопоставления номотетического знания идиографическому, социального – биологическому, высшего – низшему и т. д.

Постепенно принцип системности становится естественным основанием многих психологических исследований, таких как системная архитектоника перцептивного окулomotorного акта (В. А. Барабанщиков, 2000), акмеология и психология развития (А. А. Деркач, Г. С. Михайлов, 1999), системогенез профессиональной деятельности (В. Д. Шадриков, 1982), потенциальные свойства СТК – сложных технических комплексов (Ю. Я. Голиков, Л. Г. Дикая, 2002), системные аспекты теории индивидуальности (В. М. Русалов, 1986, 1991), полисистемная организация метаиндивидуального мира (Л. Я. Дорфман, 1997), системность и развитие (Л. И. Анцыферова, 1999; А. А. Митькин, 1997, 1998), системные исследования в истории психологии (В. А. Кольцова, 1999, 2002), полисистемный подход к решению мыслительных задач (Д. Н. Завалишина, 1995, 1999), системные процессы в контексте структуры видového опыта (К. В. Анохин, 2003) и многие другие.

Наряду с позитивными результатами, полученными при проведении системных исследований, обсуждались и продолжают обсуждаться наиболее острые (проблемные) вопросы, связанные с системным анализом.

В своих заметках по поводу идеи системности А. Н. Леонтьев пишет, что системно-структурный метод может маскировать неопозитивистские установки в науке, подменяя сугубо научный системный подход антинаучным (Леонтьев, 1991). В подробных комментариях к тезисам А. Н. Леонтьева, опубликованных в этом же номере «Психологического журнала», В. П. Зинченко отмечает положительные и отрицательные стороны системности применительно к методологии психологии вообще, и к деятельностному подходу, в частности (Зинченко, 1991). Он утверждает, что как таковой «марксистский системный анализ» в психологии, о котором говорил А. Н. Леонтьев, еще не состоялся, как, по убеждению В. П. Зинченко, и не состоялся системный подход, развитию которого «должны предшествовать новые мысли и действия» (Зинченко, 1991, с. 136).

Широкая дискуссия, предметом которой стал системный подход, позволяет более критично и беспристрастно подходить к планированию и проведению исследований, ориентированных на системный принцип.

Одним из современных вариантов системного подхода в психологии является системно-эволюционная теория (П. К. Анохин, В. Б. Швырков, Ю. И. Александров), которая объединяет в единое целое идеи системного и эволюционного подходов. Согласно этой концепции системы формируются для достижения полезного результата вследствие взаимодействия организма со средой. «Такое соотношение получило в теории функциональных систем название полезного приспособительного эффекта, или результата, а совокупность всех морфологически различных элементов организма, активность которых приводит к этому результату, была обозначена как функциональная система, причем полезный результат выступал как системообразующий фактор...» (Швырков, 1988, с. 133).

Формирование новой системы рассматривается как «фиксация этапа индивидуального развития – формирования нового элемента индивидуального опыта в процессе научения» (Александров, 2003). В процессе развития происходит переход от одного уровня дифференцированности системы к другому (в противоположность мнению, что развитие представляет собой переход от части к целому).

В ходе развития последовательность стадий преобразуется в уровни психической организации (Я. А. Пономарев). Согласно Ю. И. Александрову, фактором, определяющим организацию уровней, является история развития. Поскольку концепция создана в рамках системной психофизиологии, основой развития и научения считаются функциональная специализация (в отличие от функциональной локализации) и селективный отбор (в отличие от инструктивного принципа). Положение о селекции и системоспецифичности не означает, что модель поведения исходно predetermined; на самом деле исходно определен целый класс таких моделей.

Важно отметить, что развитие происходит не путем замены одной системы другой, а посредством ее интеграции в уже существующую иерархию систем. Системообразующим фактором выступает результат, для достижения которого и организуется данная система. «Таким образом, системы, реализация которых обеспечивает достижение результата поведенческого акта, формируются на последовательных стадиях индивидуального развития, поэтому системная структура поведения отражает историю его формирования. Иначе говоря, реализация поведения есть реализация истории формирования поведения, т. е. множества систем, каждая из которых фиксирует этап становления данного поведения» (Александров, 2003, с. 67).

Таким образом, история становления системного подхода связана с трансформацией представлений о моносистемности в полисистемность, и от нее к формулировке понятия «система» как комплекса избирательно вовлеченных компонентов и их взаимодействия для получения полезного результата. Результат упорядочивает взаимодействие, которое происходит с помощью механизма освобождения от избыточных степеней свободы и сохранения тех степеней свободы, которые способствуют получению результата.

Основные принципы системно-эволюционной концепции являются наиболее близкими нашему пониманию системы, которые включают в себя: ее уровневое строение, принцип полисистемности, формирование системы под влиянием необходимости достижения определенных результатов, связь системности с развитием.

Последний принцип, указанный нами, отражает современный взгляд на проблему системности в психологии, показывая, что категория «развития необходимо включается в определение понятия системы..., а развитие, в свою очередь, раскрывается как системно-целостный процесс» (Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988, с. 22).

Итак, исследование, основой которого является *системный принцип*, направлено на изучение системного объекта, качественное изменение которого происходит под влиянием взаимодействия с другими системами с целью решения актуальных задач.

1.2. Принцип развития

Категория развития представляет собой одно из фундаментальных понятий психологии, которым обозначают законы и закономерности динамики психического как процесса. Идея развития вошла в психологию благодаря эволюционной теории Ч. Дарвина и работам И. М. Сеченова, который аргументированно доказал необходимость исследования психической реальности с помощью генетического метода, а в «Элементах мысли» (Сеченов, 1947) сформулировал универсальный закон дифференциации.

Наиболее общие законы развития – дифференциация и интеграция – подробно проанализированы уже в трудах русских мыслителей конца XIX-начала XX в.: И. М. Сеченова, В. С. Соловьева, Н. Н. Ланге, Н. О. Лосского, А. А. Богданова.

Н. Н. Ланге утверждал, что каждая предыдущая ступень представляет собой психическое состояние менее конкретного, более общего (интеграция), а следующая – более частного и дифференцированного (дифференциация) характера. Кроме собственно дифференциации, в процессе развития важны механизмы «сравнивания и различения» (Н. О. Лосский), ведь «знание есть процесс дифференцирования действительности путем сравнивания» (цит. по: Чуприкова, 2000, с. 117).

В работах В. С. Соловьева и А. А. Богданова формулируются положения о полидетерминации процесса развития и о системных механизмах дифференциации и интеграции. Так, В. С. Соловьев полагает, что внешние факторы действуют на развитие только сообразно собственной природе организма, а А. А. Богданов, говоря о законах системной дифференциации, усматривает в них расхождение между элементами опыта при сохранении связей и построении отношений по принципу взаимодополнительности. Системное расхождение сопровождается процессами контрдифференциации, обнаруживающимися в актуализации механизмов системной консолидации, которая устраняет внутренние противоречия за счет кардинального преобразования организации (т. е. системы).

Подобные же идеи высказывались Г. Спенсером, Т. Рибо, Э. Клапаредом, Х. Эренфельсом, П. Жане и др. К примеру Пьер Жане (Жане, 1913; Анцыферова, 1969; Федунина, 2002), обсуждая вопросы эволюции психического во второй период своего творчества, определял личность как «работу», нацеленную на целостность и дифференцированность. Он писал: «Когда известное количество психических явлений комбинируется воедино, то в психике наступает обыкновенно новый весьма важный момент: единство психических явлений, будучи замечено и понято, дает начало особому суждению, которое называется понятием о “я”» (Жане, 1913, с. 112).

Вопрос о законах тесно связан с пониманием психического как идеального или как материального. Я. А. Пономарев полагает, что сведение психического к идеальному «упраздняет психологию как материалистическую науку» (Пономарев, 1983, 1988) и «...чтобы расчистить почву для выявления собственно психологических законов, необходимо преодолеть редукцию психического к идеальному и восстановить в психологических правах категорию взаимодействия (без которой нельзя понять и категорию развития)» (Пономарев, 1988, с. 193). Взаимодействие и развитие составляют, по Я. А. Пономареву, неразрывное единство: развитие нельзя понять, не зная законов взаимодействия, а взаимодействие, в свою очередь, невозможно объяснить вне развития.

Проблема соотношения взаимодействия и развития тесно связана с проблемой детерминации психического.

В отечественной психологии принцип развития был реализован в положениях о гетерохронности, сложности и многомерности психической динамики, в обсуждении вопроса о движущих силах, закономерностях и детерминации развития. Принцип социальной детерминации

развития разрабатывался Л. С. Выготским и последовательно изучался А. Р. Лурия, роль деятельности как способа и условия психического развития показана в работах А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, А. В. Запорожца, Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова. В трудах Б. Г. Ананьева и Б. Ф. Ломова эти идеи получили воплощение в принципе единства деятельности и общественных отношений в развитии личности, в раскрытии роли общения в формировании и становлении личности, в «положении о личности как активном субъекте своего собственного развития» (Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988).

Понимание развития как преимущественно социально детерминированного процесса не всегда позволяет раскрыть его многообразие и многомерность, рассматривает человека как индивида, усваивающего и присваивающего социальные нормы, правила, требования. Однако уже Л. И. Божович настаивала на признании того, что в процессе деятельности могут формироваться разные психические свойства, так как ребенок усваивает из окружающей среды то, что отвечает его готовности и потребностям, ведь «психика человека развивается не столько в меру усвоения, сколько в меру изменения субъектом окружающей его действительности» (Божович, 1968, с. 14). Тем самым альтернативность детерминации (биологическое или социальное) может рассматриваться системно (Б. Ф. Ломов, Ю. И. Александров, Е. А. Сергиенко) и представлять собой не дихотомию, а «взаимообуславливающее единство», звенья «системной детерминации единого процесса развития человека» (Сергиенко, 1992, с. 27).

Согласно Л. И. Божович, путь формирования личности заключается в постепенном освобождении человека от непосредственного влияния среды, что позволяет ему сознательно преобразовывать эту среду и себя самого. По мнению А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой-Славской, это путь развития человека как субъекта деятельности, который, если посмотреть на развитие как на многомерный процесс, может происходить не только в процессе деятельности, но и в процессе общения (Б. Ф. Ломов), взаимодействия (Я. А. Пономарев) и даже созерцания (В. П. Зинченко).

Учитывая важность категории «развитие» для психологии, С. Л. Рубинштейн возвел ее в статус важнейшего методологического принципа психологии. «Развитие психики является для нас не только более или менее интересной частной областью исследования, но и общим *принципом* или *методом* исследования всех проблем психологии. Закономерности всех явлений, и психических в том числе, познаются лишь в их развитии, в процессе их движения и изменения, возникновения и отмирания» (цит. по: Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988, с. 25).

Необходимыми и достаточными характеристиками развития являются необратимые, закономерные, направленные качественные изменения организованных объектов, осуществляющиеся системным образом.

Характерными чертами развития Л. И. Анцыферова, Д. Н. Завалишина и Е. Ф. Рыбалко (1988) называют:

- преемственность между этапами;
- целостность;
- завершенность, результативность;
- структурность, которые связаны с такими *фундаментальными* характеристиками развития, как:
 - имманентность изменений;
 - направленность и необратимость;
 - качественный характер.

Структурность, целостность, качественность, преемственность развития человека (и живых организмов вообще) были предметом серьезной дискуссии, которая в истории науки развернулась между двумя парадигмами – эпигенезом и преформизмом. Эпигенез представлял собой учение о зародышевом развитии организмов как процессе, осуществляемом путем последовательных новообразований. Преформизм – тоже учение, но о наличии в половых

клетках организмов материальных структур, предопределяющих развитие зародыша и признаки образующегося из него организма. Начало этому противостоянию было положено уже в эпоху античности. Соперничество между двумя научными парадигмами не прекращалось на протяжении нескольких веков.

Эпигенетики настаивали на том, что развитие живого организма – процесс качественного роста, обусловленный негенетическими факторами. Наиболее сложным моментом был вопрос о том, какие механизмы стимулируют процесс развития. Многие из сторонников эпигенеза признавали наличие некоторой силы – «энтелехии» (Аристотель), «образовательного стремления» (И. Фр. Блюменбах), «растительной силы» (Нидгэм), «всеобщего духа» (Ван Гельмонт), соединяя эпигенез с виталистическими идеями.

Наиболее последовательными сторонниками учения об эпигенезе были У. Гарвей (1651), К. Фр. Вольф (1764), И. Фр. Блюменбах (1781).

Преформисты утверждали, что «зачаток организма уже на самых ранних стадиях своего существования включает в себе все свойства и материальные части будущего живого существа» (Новиков, 1927, с. 6). Это означало, что развитие организма, индивида рассматривалось как количественный рост отдельных органов, функций, свойств, которые когда-то кем-то (предположительно, Богом) уже были созданы. Сторонниками учения о преформизме были А. Левенгук, Я. Сваммердам, М. Мальпиги, Ш. Боннэ, А. Трамблэ и др. (см. Новиков, 1927; Вольф, 1950; Гайсинович, 1961).

У самых своих истоков борьба двух учений строилась вокруг предположения о детерминантах развития индивида (влияние «материальных структур», генов, либо влияние эпигенетических факторов). Позднее, а именно, вследствие развития генетики и молекулярной биологии, которые показали, что раскрытие закономерностей развития живых существ строится с учетом как внутренних, преддетерминированных факторов, так и роли в их реализации условий внешней среды, борьба между преформационными идеями и эпигенетическими взглядами приобрела несколько иной характер и стала трактоваться как противопоставление количественного развития (накопления, развертывания генетически предопределенных свойств) качественному, т. е. развитию путем обретения новообразований. Эпигенетические идеи стали ассоциироваться не столько с безусловным и единственным влиянием средовых факторов, сколько с поступательным, качественным, эквифинальным развитием. Именно в такой трактовке они стали ассимилироваться рядом психологических концепций. Традиционно эпигенетическими считают психоаналитические теории: теорию объектной любви Карла Абрахама (Кремериус, 1998; Шторк, 2001), эпигенетическую теорию Эрика Эриксона (1996а, 1996б), теорию развития ребенка Рене Шпица (Шпиц, Коблинер, 2000) и др. Иногда в разряд эпигенетических попадает генетическая эпистемология Жана Пиаже (Фридмэн, 2001).

В *строгом смысле слова* ни одна из перечисленных теорий не может быть отнесена к эпигенетическим, поскольку развитие в каждой из них (и особенно в теории Пиаже) соотносится как с генетическими, так и с эпигенетическими факторами. Более того, полагать, что эпигенез означает, «что сущность лежащей в основе структуры или функции (следует понимать. – Н. Х.), с одной стороны, как результат генетически обусловленных процессов, с другой стороны, как результат влияния внешней среды, в которой они проявляются» (Фридмэн, 2002, с. 207), по меньшей мере, не верно.

Изначально эпигенез трактовался как учение, которое отвергает преформацию и не допускает врожденной дифференциации и специализации. В этом состоит основное, можно сказать, ключевое положение эпигенеза. Со временем оно ассоциативно стало соотноситься не столько с причинной детерминацией развития, сколько с установками на качественное, поступательное, системное развитие индивида, личности путем обретения новообразований, а затем уж совсем неправильно эпигенез стали соотносить и с генетической, и с эпигенетической детерминацией. В связи с этим корректнее было бы использовать иную терминологию, оставляя за

авторами право на применение термина «эпигенетический» (но не «эпигенез»), хотя, по-видимому, для современных теорий системогенеза и он выглядит не вполне удачно.

Соединение воедино принципа развития, дифференциации, системности, генетической заданности, эквифинальности, появления качественно новых образований, но при условии осуществления взаимодействия данной системы (личности) с другими системами соответствует современным представлениям о процессе развития, которые находят отражение в системно-эволюционном подходе (П. К. Анохин, В. Б. Швырков, Ю. И. Александров), историко-эволюционном подходе (А. Г. Асмолов), динамической теории личности (Л. И. Анцыферова).

В нашей концепции принцип развития рассматривается как подход, на основе которого осуществляется анализ последовательных и качественных системных изменений самоутверждения личности в процессе взросления. При этом он не исключает собственной активности личности (Джидарьян, 1988) как субъекта деятельности, направленной на созидание и утверждение ценности Я и чувства собственного достоинства, ведь «действуя на новой основе, личность удерживает, воспроизводит, утверждает, приумножает фундаментальный массив своего прошлого как собственный жизненный опыт, как приобретенное мастерство, как сформировавшиеся способности, как уверенность в своих силах, как ту упроченную самой личностью систему жизненных отношений, ради которой она живет» (Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988, с. 30–31).

Развитие личности невозможно без ее функционирования, но только при условии, если мы принимаем тезис о том, что «любая общественная детерминация включает наряду с жестким ядром предписаний, также и нежесткую детерминацию, апеллирующую к свободному выбору личностью способа и формы своего развития, к ее собственной активности, направленной на повышение высоты организации включающих ее систем» (Анцыферова, Завалишина, Рыбалко, 1988, с. 33), и допускаем, что «каждая личность (в том числе ребенка) есть субъект» (Брушлинский, 1991, 1992, 1993, 2002, 2003) как качественно определенный способ самоорганизации и саморазвития, «как человек, люди на *высшем (индивидуализировано для каждого из них) уровне активности, целостности (системности), автономности и т. д.*» (Брушлинский, 2002, с. 9).

Итак, *принцип развития рассматривается нами как качественное преобразование личности, которое связано с изменением уровня ее системности, с возрастанием возможностей функционирования, с проявлением собственных личностных ресурсов.*

1.3. Принцип субъекта

Категория субъекта и принцип организации исследования, основанный на идее субъектности в целом означают, что человек сознательно, целенаправленно и относительно независимо от навязываемых ему требований выстраивает свой жизненный путь, осуществляя регуляцию системы взаимоотношений и взаимодействий с миром (и в частности, с самим собой).

В отечественной психологии категория субъекта разрабатывалась Б. Г. Ананьевым, Д. Н. Узнадзе, С. Л. Рубинштейном, а также А. В. Брушлинским, К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Анцыферовой и многими другими исследователями.

По Б. Г. Ананьеву, понятие субъекта тесно связано с понятием деятельности, причем преимущественно профессиональной. Индивид, личность и субъект деятельности представляют собой интегрированное единство, являясь неповторимой индивидуальностью человека (Ананьев, 1969; Анцыферова, 1998; Сергиенко, 2002). Однако, как отмечает Е. А. Сергиенко, в концепции Б. Г. Ананьева именно личность, а не субъект выступает ядерной структурой индивидуальности. Установление связи категории субъекта с понятием деятельности позволяет раскрыть лишь одну грань субъектных отношений человека с миром – деятельностную. Тогда как, согласно Рубинштейну, другие модальности – познавательное, этическое, созерцательное отношения остаются без внимания.

Д. Н. Узнадзе соотносил понятие субъекта со способностью человека осознавать действительность такой, какова она есть, вне зависимости от пристрастий и потребностей личности. Человек является субъектом в силу того, что «при возникновении затруднений и задержке его деятельности у него активизируется, прежде всего, способность объективации» (Узнадзе, 2000, с. 91–92), а значит, он имеет возможность выбора направления собственной активности в зависимости от своих целей и намерений (Узнадзе, 1961). По Узнадзе, быть субъектом значит обладать уникальной возможностью быть активным, направленно преломляя явления действительности в своем сознании; это значить уметь «не всегда подчиняться непосредственно этой действительности», выделять существенное и несущественное, актуальное и неактуальное.

Категория субъекта для С. Л. Рубинштейна имела глубокий философский смысл. Как отмечает К. А. Абульханова, понятие субъекта позволяет ему раскрыть основные положения учения о бытии, центром которого (т. е. бытия) субъект и является. Кроме этого, категория субъекта вносит новое (в ряде случаев идеологически запретное) в содержание человеческой сущности, которая отличается свойствами активности, способностью «к развитию и интеграции, самодетерминации, саморегуляции, самодвижению и самосовершенствованию» (Абульханова, 2002, с. 34).

Для С. Л. Рубинштейна категория субъекта является центральной, определяя особые отношения человека с миром, его активное познавательное и деятельное начало. Не психика отражает бытие, а человек как субъект деятельности, путем детерминации «внешнее через внутреннее», включенный в это бытие, способен изменить его, выйти за его пределы.

Человек как субъект создается, определяется и проявляется в ходе изначально практической деятельности. Именно деятельность является тем синтезирующим, системообразующим фактором, благодаря которому субъект представляет собой единство, целостность, являясь не только субъектом деятельности, но и субъектом жизненного пути, жизнедеятельности. «Способность личности строить свои отношения с миром, выбирать жизненную позицию, избирательно, сугубо индивидуально действовать в соответствии с высшими жизненными ценностями и системой мотивов характеризует ее на высшем уровне ее развития» (Абульханова-Славская, 1997, с. 307). В концепции субъекта жизни личность определяет, планирует, выбирает, реализует основные тенденции жизни, являясь ее движущей силой. Приоритетность

жизненных ценностей, способы их реального воплощения, контроль и реализация жизненных задач во многом определяются жизненной позицией личности.

Существенно важно, что категория субъекта нашла отражение в работах Л. И. Божович (1968), В. В. Давыдова (Давыдов, 1996; Кудрявцев, Уразалиева, 2001) и ряда других авторов, которые не всегда упоминаются в связи с проблемой субъекта.

Выводы, к которым приходит Л. И. Божович, близки пониманию субъекта Д. Н. Узнадзе и С. Л. Рубинштейном. Развитие личности понимается ею как стремление быть инициатором собственной активности. Понятия «внутренняя позиция ребенка» и «социальная ситуация развития», которые являются ключевыми в ее концепции, определяют способность ребенка «действовать самостоятельно на основе сознательно поставленных целей и принятых намерений» (цит. по: Анцыферова, 1997, с. 174). Формирование внутреннего побудительного плана является основой для регуляции импульсивной активности ребенка, препятствуя проявлению реактивности. Начала формирования субъектного отношения к миру обнаруживаются у младенца в возрасте первого месяца жизни в виде появления потребности в новых впечатлениях.

Разработка проблемы субъекта в концепции В. В. Давыдова была неразрывно связана с проблемой деятельности, в первую очередь учебной. Говоря «субъект учебной деятельности» В. В. Давыдов, прежде всего, имел в виду «развивающее обучение», смысл которого состоит не в том, чтобы научить, а «учить самостоятельно учиться и переучиваться» (Кудрявцев, Уразалиева, 2001). Согласно теории развивающего обучения, его содержанием выступают *теоретические* знания, *методом* – организация *совместной* учебной деятельности младших школьников, а *продуктом* развития – главные психологические новообразования, присущие младшему школьному возрасту (Давыдов, 1996).

Полемизируя с В. В. Давыдовым относительно механизмов детерминации развития психики, А. В. Брушлинский (1998, 2003) неизменно отмечает динамизм теории В. В. Давыдова, ее последовательность и высокую ценность, особо подчеркивая существенность эволюции его взглядов на природу развития психики, на «субъекта такого развития» (Брушлинский, 1998, с. 35).

Глубокий философский, методологический и конкретно-научный анализ и обоснование категория и принцип субъекта получили в работах К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Анцыферовой, А. В. Брушлинского. Мы отмечали, что согласно А. В. Брушлинскому, субъектом выступает человек, люди «на высшем (индивидуализированно для каждого из них) уровне активности, целостности (системности), автономности и т. д.», для которого окружающая действительность обнаруживается не в форме раздражителя или сигнала, «но прежде всего как объект действия и познания, а другие люди выступают для него тоже как субъекты» (Брушлинский, 2002, с. 9). Субъект, по Брушлинскому, включает в себя все качества человека, синтезируя их. Это более широкое понятие человека по сравнению с категориями индивида и личности.

Субъектные качества человека обнаруживаются по мере его становления, в тот момент, когда ребенок «начинает выделять себя (не отделять!) из окружающей действительности и противопоставлять себя ей как объекту действия, познания, созерцания и т. д.» (Брушлинский, 2002, с. 12).

Критериями становления субъекта является, во-первых, способность 1-2-летнего ребенка на основе сенсорного и практического опыта выделять значимых для него людей, предметы, события посредством простейших значений слов, и, во-вторых, способность выделять детьми 7-10 лет объекты, обобщая их в форме простейших понятий. «На вышеупомянутом этапе развития деятельности и общения окружающая действительность именно в *понятиях* начинает выступать для людей в качестве *объекта* (а не только как система раздражителей и сигнальных раздражителей). Объект существует только соотносительно с субъектом, а субъект

возникает, действует, живет лишь во взаимосвязи с объектом и с другими людьми как субъектами» (Брушлинский, 2002, с. 13).

Взаимодействие субъекта с объектом – непрерывный процесс, который и является основным способом существования психического. Непрерывность психического как процесса объективно определяется непрерывностью взаимодействия человека с миром как субъекта деятельности. Именно непрерывность, недизъюнктивность соотносится с достигаемым в процессе развития качеством, тогда как дискретность, прерывность, дизъюнктивность – с количественной величиной (Брушлинский, 1988).

Итак, одной из существенных характеристик субъекта, по Брушлинскому, является способность человека выделять себя из окружающего мира, способность относиться к нему, способность к самоорганизации и саморазвитию, которые и определяют остальные его особенности – целостность (или системность), автономность (или относительную свободу) и др. Автономность при этом не исключает взаимодействия, а наоборот, предполагает его. Расширение представлений о содержании *активности*, переход от *микросемантического* к *макроаналитическому* методу познания психического, целостный системный характер исследования *динамического, структурного и регулятивного* планов анализа психологии субъекта – это тот принципиально новый вклад, который был сделан А. В. Брушлинским при создании научных основ психологии субъекта (Знаков, 2003).

А. В. Брушлинский утверждает, что человек не рождается, а становится субъектом, причем согласно выделенным им критериям проявления субъектности характерны уже для самого маленького ребенка. Положения о том, что человек непрерывно развивается как субъект и одновременно уже является субъектом, по мнению Е. А. Сергиенко, выглядят достаточно противоречиво (Сергиенко, 2002). Настолько же полемичным, отмечает она, является второй критерий субъекта (Сергиенко, 2003).

Личность как субъект деятельности, поведения и субъект своего внутреннего мира, своей психической жизни является предметом исследования Л. И. Анцыферовой (Анцыферова, 2000). Автор утверждает: «Основная характеристика субъекта – переживание человеком себя как суверенного источника активности, способного в определенных границах намеренно осуществлять изменения окружающего мира и самого себя» (Анцыферова, 2000, с. 211).

На каждой ступени развития общество задает личности определенные ориентиры, общие принципы восприятия и понимания мира, отношения к нему. Можно сказать, что «заданное миром» не может быть строго усвоено, принято. Общественные нормы имеют «зонную природу», и влияют на человека только через его «внутренние условия», его индивидуальные особенности, ценности, цели и предпочтения. Характеристика субъекта через понятие его собственной активности и осознанности является базовым положением концепции Л. И. Анцыферовой, которая придерживается позиции С. Л. Рубинштейна, согласно которому существенной чертой человека как субъекта деятельности является осознанность его мотивов, произвольность деятельности. Рассматривая три уровня развития личности, Л. И. Анцыферова полагает, что на первом уровне «субъект недостаточно адекватно осознает свои истинные побуждения», еще не может контролировать и учитывать степень влияния на ситуацию. «На этом уровне качества субъекта проявляются через акты целеполагания и через действия по преодолению трудностей на пути достижения целей» (Анцыферова, 2000, с. 212).

На втором уровне личность проявляет себя как «субъект, сознательно соотносящий цели и мотивы действий, намеренно формирующий ситуации своего поведения, стремящийся предусмотреть прямые и косвенные результаты собственных действий...» (там же, с. 212).

На третьем этапе, который обозначается как высший, личность становится субъектом жизненного пути, и определяется степенью своей индивидуальности, свободы – «свободы выявлять, переживать и собственными действиями разрешать назревшие противоречия развития общества» (там же, с. 212). И далее: «Нахождение общественно значимого способа раз-

решения этих противоречий оказывается в то же время радикальным путем преобразования собственной жизненной ситуации» (там же, с. 213).

Итак, активность личности, которая характеризует ее как субъекта, обнаруживается в способности осознавать свои мотивы, действовать произвольно и целенаправленно, искать и находить приемлемые способы разрешения противоречий, ощущать себя источником организации собственной жизни.

Различия в понимании субъекта жизни и деятельности вызваны оригинальным (авторским) подходом к проблеме личности и ее развитию. Начиная с философской трактовки субъекта как высшего уровня развития человека, уровня его совершенства, К. А. Абульханова-Славская подчеркивает, что личность осуществляет свой путь к совершенству, не достигая его. Субъект обозначает «индивидуальное движение к совершенству или, что то же, движение к индивидуальному, а не универсальному совершенству» (Абульханова-Славская, 2002, с. 46). Правильнее говорить, по мнению, К. А. Абульхановой-Славской, не об уровне как таковом, а о «мере» развития, мере становления субъектом. «Разные люди в разной мере способны организовывать ход своей жизни соответственно со своими целями и притязаниями, в разной мере реализовывать свои возможности, способности, осуществлять самореализацию своей индивидуальности в категориях и формах своей жизни» (там же, с. 46), и именно поэтому категория субъекта имеет скорее относительный, чем абсолютный характер.

Субъекта отличает уровень активности, степень его самоопределения и интегративности, при этом последнее определяется как интегрирование личности как системы с миром и образования «интерактивного пространства» (между личностью и действительностью). Активность субъекта и заключается в образовании такой системы, в организации системы взаимодействий и отношений, и «проявляется в определении задач деятельности, т. е. способе сочетания условий и требований, тех трудностей и усилий, которые потребуются для их решения» (Абульханова-Славская, 2002, с. 44).

Субъект обладает активностью в той мере, в какой он способен к композиции индивидуально-личностных качеств с целью осуществления взаимодействия личности с миром, готов и умеет преодолевать противоречия, находя относительно независимый способ осуществления деятельности от ее требований. Подводя итог обсуждению проблемы субъекта, К. А. Абульханова-Славская утверждает, что «если личность, согласно общепринятому определению, – интегративная система, если активность, согласно нашей гипотезе, – это интеграл притязаний, саморегуляции и удовлетворенности, то субъект деятельности – это синтез или интеграл качеств личности в способе осуществления деятельности и требований деятельности к личности. Этот интеграл оформляется в виде... задач, в которых субъект может преобразовать не только свои личностно-психологические ресурсы, но и сами условия и требования деятельности» (Абульханова-Славская, 2002, с. 45).

Развитие личности в качестве субъекта предполагает рассмотрение различных аспектов возникновения субъектности в жизни ребенка:

- 1) формирования личности как стержневой характеристики субъекта;
- 2) понимания и разделения мира физических и социальных объектов;
- 3) обсуждения вопроса об изначально практической (а затем теоретической) деятельности как основы саморазвития субъекта;
- 4) исследования проблемы индивидуальности (Сергиенко, 2002), а также стадий развития субъекта в онтогенезе (Селиванов, 2002).

Проблема субъекта в психологии обсуждается очень широко. Дискутируются вопросы, связанные с определением критериев субъекта (Брушлинский, 2002; Сергиенко, 2003), проводится категориальный анализ базисной категории «субъект» и метапсихологической категории «Я» (Петровский, Петровский, 2000), рассматриваются проблемы психологии понимания человеческого бытия (Знаков, 2003), исследуется проблема онтогенетического развития субъекта (Абульханова-Славская, 2002; Анцыферова, 2000; Кудрявцев, 2001; Сергиенко, 2002;

Слободчиков, Цукерман, 1996, 1998; Фельдштейн, 1994, 1996; Селиванов, 2001, 2002 и др.); определяются характеристики саморегуляции произвольной активности как особенности субъекта, функциональная структура процессов саморегуляции (Конопкин, 1995, 2004), обобщается положение об индивидуальном стиле саморегуляции (Моросанова, 1997, 2002), исследуется проблема опыта субъектной активности и его компонентов – ценностного, рефлексивного, привычной активации, операционального и опыта сотрудничества (Осницкий, 1999).

Кроме того, изучается профессиональное и личностное развитие человека как субъекта деятельности (Деркач, Кузьмина, 1993; Дикая, 1999, 2002; Ломов, 1984), анализируется субъектный аспект развития способностей как качеств и свойств, обеспечивающих успешное функционирование психических процессов (Дружинин, 1999), осуществляется исследование восприятия как субъектного и личностного процесса (Барабанщиков, 2000) и др.

Постановка и комплексное исследование проблемы субъекта в психологии является основой для формулировки общеметодологического *принципа*, который *означает необходимость рассмотрения личности как субъекта деятельности, развития, жизни, т. е. как суверенного источника собственной активности, как человека, способного к сознательной регуляции поведения и к целенаправленной деятельности.*

1.4. Система принципов

В соответствии с изложенными выше принципами личность представляет собой системный объект. Системность личности обеспечивается историей ее развития. Чем сложнее система, тем многообразнее ее отношения с миром, тем вариативнее, шире ее возможности. Л. И. Анцыферова справедливо отмечает, что личностное развитие «связано с повышением уровня ее организации, с возрастанием способности осуществлять себя в более сложной системе жизненных отношений и воспринимать по-новому мир: более структурированным, интегрированным и содержательным» (Анцыферова, 1992, с. 23).

Системное развитие личности означает процесс, в ходе которого происходит ее целостная перестройка на основе механизмов дифференциации и интеграции, предполагающая изменение не отдельных сторон и качеств личности, а ее системную трансформацию. Именно такой тип динамики как системное развитие позволяет говорить не о количественном накоплении возможностей, а об их качественной специфике. И только поэтому можно утверждать, что «развитие личности в своем результативном выражении выступает как ее качественное преобразование...» (Анцыферова, 1992, с. 23).

Раскрытие закономерностей развития человека составляет основу научной трактовки динамики личности, требующей выявления универсального при учете уникального. Многообразие подходов к проблеме периодизации развития личности (Балтес, 1994; Дружинин, 1997; Моргун, Ткачева, 1981; Поливанова, 2004; Слободчиков, Цукерман, 1996; Фельдштейн, 1989, 1996; Эльконин, 1971) и субъекта деятельности (Анцыферова, 2000; Брушлинский, 2002; Селиванов, 2002) позволяет убедиться в реальности существования проблемы номотетического знания о личности, считая необоснованными утверждения, что уникальность организации и функционирования личности делают невозможным выведение каких-либо общих закономерностей ее развития.

Общие закономерности развития личности обусловлены существованием системы детерминант, которая по принципу «внешнее через внутреннее» (С. Л. Рубинштейн) активизирует внутренние ресурсы личности, ее готовность к системному изменению в целях обеспечения более свободного функционирования. Это означает, что понятие «системное развитие» невозможно раскрыть без принципа субъекта, и в этом смысле все три принципа – системности, развития и субъекта образуют своеобразную *общеметодологическую систему*, взаимодополняя друг друга. Принцип системности объясняет характер организации сложного объекта, раскрывая историю его становления, принцип развития – закономерную динамику формирования новой системы как качественно иной целостности, принцип субъекта – сознательное принятие себя в новом качестве с целью овладения более широкими возможностями функционирования.

Три основных методологических принципа необходимо дополнить принципом активности. Он объясняет способность личности как субъекта деятельности к сознательному использованию новых ресурсов при достижении человеком определенного уровня развития.

Активность системы связана с целевой детерминацией, с направленностью человека на будущие результаты, с планированием определенных достижений. Влияние каких-либо факторов имеет значение только с точки зрения «разрешения» реализации, с позиции готовности «систем будущего поведения», формирующихся «в процессе выполнения предыдущего» (Александров, 2003, с. 47). Активность личности как субъекта деятельности объясняет существование множества вариантов решения жизненной проблемы, которые рассматриваются именно как варианты, как «определенный класс актов», как континуум способов реализации замысла, достижения цели. Благодаря активности личность не «впадает в полную зависимость от социальных требований и установок, а приобретает новые способности раз-

решения социально-психологических противоречий, новые способы соотнесения себя с другими людьми, утверждается в правильности своей позиции, убеждается в ее адекватности жизни» (Абульханова-Славская, 1991, с. 79). Активность проявляется в способности личности моделировать себя и отношения с другими людьми, становясь субъектом собственной жизни.

Таким образом, *общей методологией* исследования является единство принципов системности, развития, субъекта и активности, которые последовательно соотносятся с *конкретно-научной методологией*, т. е. теми научными процедурами – субстратным, атрибутивным, функциональным, структурным и генетическим видами анализа, которые выделены в теории познания, и в настоящем исследовании (Глава 3) применяются для решения задач специальной области исследования – психологии самоутверждения личности, различные аспекты которой были частично разработаны в психоанализе, гештальтпсихологии, гуманистической психологии и бихевиоризме.

Глава 2.

Самоутверждение личности в истории психологии

В литературе, посвященной истории психологии (Ярошевский, 1976, 1996), специально подчеркивается, что даже предварительное ознакомление с источниками, освещающими историческую проблематику, обнаруживает ее связь с актуальными вопросами психологической теории. История вопроса – ключ к ее теории.

Действительно, эволюция любой научной проблемы позволяет увидеть не только историю ее становления, но и логику раскрытия сущности вопроса, содержательные этапы его качественного анализа и обоснования.

Принцип историзма и его применение в конкретном исследовании определяет связь логики разработки проблемы с логикой развития науки и общества, является основой последовательного анализа ее отдельных аспектов в контексте различных школ и направлений. На необходимость применения принципа историзма указывают при изучении отдельных проблем психологии развития (Кудрявцев, 1996), при осуществлении историко-психологического исследования научной тематики ряда школ (Ждан, Марцинковская, 2000) и научных подразделений (Марцинковская, 2004; Поливанова, 2004).

Принцип историзма тесно связан с *парадигмальным подходом*, задающим общепринятые образцы актуальной научной практики. Парадигма определяет способы постановки и решения задач, включает в себя законы и теоретические выводы, основывается на общепринятых нормативах анализа и интерпретации результатов. Правда, согласно Томасу Куну, для так называемой «нормальной науки» неприемлемо положение, когда в одну эпоху можно обнаружить существование нескольких парадигм. Для психологии, однако, куновские критерии парадигмальности не совсем подходят – одновременное появление (и упрочение) нескольких парадигм для нее скорее норма, чем отклонение от нее. Именно поэтому в ряде случаев психологию относят к *предпарадигмальным наукам*.

Принцип историзма и парадигмальный подход осуществляют важнейшую гносеологическую функцию, обеспечивая связь истории и теории (Будилова, 1969), вернее сказать, истории, методологии и теории.

Анализ отдельных точек зрения в проекции на исторический контекст возможен при соблюдении ряда принципов, таких как:

- определение общей проблемы;
- изучение авторской позиции с точки зрения общеметодологических принципов, которые при этом могут быть представлены имплицитно;
- выделение конкретно-научных методологических принципов. Общим итогом историко-психологического анализа должен стать *научно-категориальный анализ* психологического знания (Ярошевский, 1976), который позволит сопоставить функционально близкие, но все же неидентичные понятия и, в свою очередь, определит направление разработки собственной научной теории.

Проблема самоутверждения личности тоже имеет свою историю. Известны, например, взгляды А. Адлера на базовые потребности человека, одной из которых, как он полагал, является потребность в превосходстве, совершенстве, а в ее более зрелом варианте – в превосходстве над собой, идеи К. Левина об измерении степени трудности цели, обозначенной им термином уровень притязаний, проблема ассертивности в работах Р. Альберти, М. Эммонса и др.

Любая из перечисленных концепций, моделей прямо или косвенно относится к проблеме самоутверждения личности, но, скорее в аспекте ее постановки, нежели исследования, обоснования. Огюст Конт утверждал, что «каждая из наших главных идей, каждая из отраслей

нашего знания проходит последовательно три различных теоретических состояния: состояние теологическое, или фиктивное; состояние метафизическое, или абстрактное; состояние научное, или положительное» (Конт, 1899, с. 3). По-видимому, именно сейчас назрела актуальная необходимость в том, чтобы и проблема самоутверждения личности обрела подобное «положительное состояние».

История развития взглядов на самоутверждение личности представлена всего лишь несколькими крупными работами, которые относятся к разным парадигмам – психоанализу, гештальтпсихологии, гуманистической психологии и бихевиоризму. Отсюда следует, что изучаемая нами проблема имеет не частный, а общий (универсальный) характер, поскольку, несмотря на разные научные планы, может быть истолкована с позиции общеметодологических, конкретно-научных принципов и теоретических положений.

2.1. Психоаналитическая парадигма: постановка проблемы

Первые, наиболее систематические исследования проблемы самоутверждения личности были проведены в русле психоанализа.

Альфред Адлер – один из последователей Фрейда, заменивший в своих предпочтениях классическую теорию драйвов на теорию самоутверждения личности. Адлер известен своим интересом к проблеме неполноценности органов, которая, по существу, и стала тем запускающим механизмом, благодаря которому как бы сами собой появились остальные, аранжирующие ее феномены.

Идея неполноценности и компенсации стимулировала Адлера к созданию новой теории мотивации, где бы фигурировали не сексуальное желание и потребность в безопасности, а стремление к превосходству.

В истории науки проблема самоутверждения человека обсуждалась давно. Ее первыми исследователями были философы. Известны учение И. Канта об абсолютном достоинстве личности, об «умопостигаемом характере», о свободе; идеи А. Шопенгауэра о мировой воле; система взглядов Ф. Ницше о воле к власти, о сверхчеловеке. Но именно Адлер сделал удачную попытку создать, возможно, в какомто отношении и спорную, но законченную психологическую теорию самоутверждения личности.

А. Адлер был последователен в разработке собственной концепции, существенно дополняя, но кардинально не реконструируя ее. Подводя итог полутора десятилетиям своей психологической теории в целом, Адлер писал: «...Каждый шаг вперед логично вытекал из наших основных положений. До сих пор не возникало необходимости изменять что-либо в теоретических построениях или подпирать их положениями иного рода» (Адлер, 1997а, с. 28).

Выходом в 1912 г. книги «О нервическом характере» Адлер заявил о себе как самостоятельный исследователь, предметом интереса которого явилась «индивидуальная психология». Базовые положения этой работы основывались на более ранних исследованиях, результаты которых были опубликованы еще в 1907 г. в «Очерке о неполноценности органов».

Принимая некоторые положения концепции З. Фрейда, Адлер, тем не менее, сформулировал собственные принципы построения теории личности, которыми являются:

1. Холистические представления о личности.
2. Целевой детерминизм.
3. Активность личности, поведение которой побуждается стремлением к превосходству, совершенству.
4. Социальная природа человека.

Для нас существенно то, что Адлер стал рассматривать потребность в самоутверждении (в превосходстве, в признании) как сущностную потребность человека, изучение которой уже не могло оставаться на уровне идиографического толкования. Требовалась разработка универсальной психологической теории, которая и была создана. «Индивидуальная психология как наука развивалась из настойчивого стремления постичь таинственную творческую силу жизни, силу, которая воплощается в желании развития, борьбы, достижения превосходства и даже компенсации поражения в одной сфере стремлением к успеху в другой. Эта сила телеологическая, она проявляется в устремленности к цели, в которой все телесные и душевные движения производятся во взаимодействии» (Адлер, 1997б, с. 26–27). Более того, эта сила обеспечивает интегрированное единство личности, в котором одно и то же жизненное явление представлено в разных планах, например, в прошлом, настоящем и будущем.

Несмотря на верность Адлера своим идеям, его сущностные теоретические положения, например, положение о врожденном стремлении человека, постоянно пересматривались. Первоначально он исходил из того, что фундаментальной потребностью человека является стрем-

ление к агрессии. В 1908 г. в статье «Агрессивное влечение в жизни и в неврозе» Адлер утверждал, что с первых секунд жизни человек относится к окружающей среде враждебно. Именно поэтому, как считал Адлер, возникает необходимость ввести термин «агрессивный стимул», при этом он специально пояснил, что этот стимул не является чем-то узким, полностью замкнутым на определенной болезни человека, но принадлежит «к тотальной структуре, представляющей собой сверхорганизованное психологическое поле, в котором связаны все стимулы» (Ansbacher, Ansbacher, 1956, с. 34).

Положение об агрессивной направленности человека как его базовой потребности не получило подтверждения. Оно мало что объясняло и, скорее, само нуждалось в обосновании. Адлер стал рассматривать агрессию как частный случай более общей тенденции. Вслед за Ф. Ницше он назвал ее потребностью во власти, а позднее потребностью в превосходстве, совершенстве.

Одно из центральных положений теории Адлера – физическая неполноценность, которая выражается в наличии у человека телесного дефекта. Было замечено, что подобный дефект (врожденная слабость) в сочетании с потребностью в превосходстве «может стать импульсом к преодолению изначально тяжелой исходной ситуации» (Зеельманн, 2004, с. 47).

Обратившись к проблеме неполноценности органов (поначалу органов зрения), Адлер распространил свои взгляды на аномалии других органов, а затем на проблему слабости одного органа в сравнении с другим. Он стремился рассматривать неполноценность «без негативной оценки – как незрелость, изменение, задержку в развитии или росте органа...» (Зеельманн, 2004, с. 45).

Безусловной заслугой Адлера было развитие идеи о чувстве неполноценности, которое становится аранжировкой физического дефекта и стимулом личностного роста, и являет собой важнейший факт психической жизни человека. Умеренное чувство неполноценности стимулирует развитие человека, позволяя ему выбирать способы совершенствования – компенсацию, сверхкомпенсацию и проч. Сильное чувство неполноценности ограничивает возможности, лишает человека способности варьировать, управлять собой, активизировать собственные внутренние ресурсы. Последний путь – путь невротического развития, где потребность в самоутверждении проявляется как стремление к превосходству над людьми на фоне фрустрации собственной потребности в совершенствовании. Человек «становится *мелочным, ненасытным, бережливым*, старается расширить границы своего влияния и власти все дальше во времени и пространстве – и теряет при этом объективность и душевный покой, которым... прежде всего обязан своим психическим здоровьем и способностью к действию. Все больше поднимается в нем недоверие к себе и другим...» (Адлер, 1997а, с. 36). Потребность невротика в защите своего превосходства влияет так сильно, что каждое душевное состояние содержит в себе одно желание: освободиться от своей слабости, обрести уверенность, силу, любыми (даже самыми безнравственными) способами превзойти всех. Со временем формируются комплекс неполноценности и комплекс превосходства. Эти два комплекса естественным образом связаны между собой. Выявляя комплекс неполноценности, мы одновременно обнаруживаем комплекс превосходства, и наоборот, наблюдая у человека черты, указывающие на наличие комплекса превосходства, мы обнаруживаем более или менее скрытым комплекс неполноценности.

Итак, источником активности человека является его «неполноценность» или неудовлетворенность достигнутым. Адлер говорил: «Быть человеком – значит обладать чувством неполноценности; давление природы, жизненных тягот, жизни в обществе, бренности человека слишком сильно, чтобы кто бы то ни было сумел избавиться от этого чувства» (Адлер, 1997б, с. 215). В соответствии с принципом целевого детерминизма руководствуясь «фиктивной» (т. е. реально недостижимой) жизненной целью, человек всегда будет испытывать неудовлетворенность, и стремиться справиться с ней доступными ему способами.

Важным выводом, к которому приходит Адлер, является положение о том, что чувство неполноценности формируется на основе механизма «сравнения себя с другими», оценки способности «вписаться в общество, в котором он в данный момент находится». Данный аспект теории был заявлен как идея, и не был достаточно хорошо проработан. В авторской теории самоутверждения личности мы придали ему гораздо больший вес, чем это сделал Адлер.

Индивидуальными вариантами снижения чувства неполноценности являются сочетание чувства общности (или социального интереса) с жадой личного превосходства. «Оба эти основных фактора проявляются как социальные образования, первый как врожденное, укрепляющее человеческую общность, второй как приобретенное, как вполне понятное желание использовать общность для достижения собственного превосходства... Его (человека. – Н. Х.) телесность требует от него единения; язык, мораль, эстетика и человеческая сопричастность являются реальными требованиями совместной человеческой жизни. Эти неразрывно связанные друг с другом реальности атакуют или же пытаются по-хитрому обойти стремление к личной власти» (Адлер, 1995, с. 17–18).

Самоутверждение по Адлеру существует в двух качественно различных видах. В одном результат фиктивен (иллюзорен) и значим только для данного субъекта, в другом, напротив, результат реален и социально значим. Самоутверждение первого типа характерно для невротиков. Оно предполагает, что человек вырабатывает в себе чувство (комплекс) превосходства, который может стать одним из способов избежать своих трудностей. Человек с комплексом неполноценности стремится казаться лучше, чем он есть на самом деле, и этот фальшивый успех компенсирует чувство неполноценности, ставшее для него невыносимым. У нормального человека комплекс превосходства отсутствует. Он удовлетворяет свои желания, участвуя в общественно полезных делах, его действия приносят пользу и его активность конструктивна. Комментируя Адлера, Курт Зеельман пишет: «Главное для человека – потребность в принадлежности к другим людям... Вместо стремления к самоутверждению, вместо честолюбивого желания превосходить других, ведущего лишь к усиленной конкуренции, мы должны говорить о стремлении к преодолению собственных недостатков и трудностей» (Зеельман, 2004, с. 49–50).

Так Адлеру удалось построить теорию самоутверждения личности, которая, с одной стороны, была логически стройной, единой конструкцией (отчасти это было результатом наличия в ней общих понятий, пронизывающих всю теоретическую структуру: «стремление к превосходству», «чувство неполноценности», «чувство общности» и т. д.), а с другой стороны, учитывала многообразие реально существующих и подчас столь непохожих друг на друга видов самоутверждения.

На этом открытия в области психоанализа, связанные с искомой проблемой, не были завершены. Сама постановка вопроса не вызвала особых возражений, менялась его суть. Исследователей не устраивала простая констатация связи между тремя феноменами – неполноценностью, социальным интересом и самоутверждением. Возникла потребность в раскрытии глубинных личностных механизмов, определяющих Эго-стратегии самоутверждающегося человека.

Следующей известной фигурой в психоанализе, занимавшейся проблемой идентичности, был *Эрик Эриксон*. Его эпигенетическая теория личности хорошо известна. Остановимся на некотором нюансе, который он обнаружил в ходе психотерапевтической работы и который имеет не только сугубо практическое значение, но важен и с теоретической точки зрения.

Речь идет, казалось бы, об обратном самоутверждению феномене, который называется сопротивлением идентичности. Согласно Эриксону, идентичность – это твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя. В процессе личностного роста или в ходе психотерапевтической работы представление о себе может меняться. Именно изменение представлений о себе, с нашей точки зрения, и обеспечивает основу самоутверждения личности. Однако про-

цесс изменения идентичности может вызывать не только позитивные, но и негативные чувства. В таких случаях клиент (человек вообще) испытывает страх личностного роста, сопровождаемый ощущением потери себя и тревогой поглощения другим человеком. В работе «Идентичность: юность и кризис» Эриксон, обобщая некоторые свои наблюдения, описывает феномен сопротивления идентичности, который является универсальной формой сопротивления. В своей обычной, неакцентуированной форме сопротивление идентичности проявляется в страхе пациента перед аналитиком, который в его представлениях обладает особой личностью, квалификацией, умом, прозорливостью и проч., и именно поэтому «может случайно или преднамеренно разрушить слабое ядро идентичности пациента и навязать тому свое собственное» (Эриксон, 1996б, с. 224). В подобных случаях пациент на протяжении всего курса психоанализа может или сопротивляться возможному вторжению в его идентичность ценностей психоаналитика; или интроецировать из идентичности психоаналитика больше, чем он может переработать; или он может прекратить посещать сеансы психоанализа и на всю жизнь остаться с чувством, что он не обрел чего-то существенного – того, что обязан был дать ему психоаналитик.

В особых случаях, при острой спутанности идентичности сопротивление становится основной и серьезной проблемой психотерапевтической работы. «В этих случаях пациент саботирует коммуникацию до тех пор, пока не примет решения о некоторых основных (пусть противоречивых) результатах. Пациент настаивает на том, чтобы психотерапевт принял его негативную идентичность как реальную и необходимую (такую, какова она есть или, скорее, какой была), не считая, что такая негативная идентичность – “это все, что в пациенте есть”» (там же, с. 225), а терапевт должен терпеливо доказывать, что он понимает пациента, сохраняя привязанность к нему. В этой цитате Эриксона сопротивление понимается как защитная мера против обид и, в конечном счете, против опасности дезинтеграции Я. На описательном уровне сопротивление идентичности и принцип безопасности сходны с нарциссической защитой. Такое сильное сопротивление идентичности встречается у тех пациентов, которые не признают себя больными и не хотят вылечиться.

Этот вроде бы не относящийся к нашей теме феномен сопротивления идентичности на самом деле имеет важное значение для понимания проблемы самоутверждения личности. Он означает нежелание кардинальных изменений ценности Я, стремление быть верным самому себе, даже если подобная преданность служит не во благо, а во вред человеку. Сопротивление идентичности основано на утверждении незыблемости своей личности, на принятии, быть может, малоэффективных, но ставших привычными способов функционирования. Думается, что тезис о самоутверждении через изменение ценности Я (в противовес сопротивлению идентичности) сближает две и так достаточно схожие темы – самоутверждение и самоактуализацию индивида. Постоянное определение и переопределение своей личности, а также ее утверждение, по-видимому, и представляет собой процесс самоактуализации. Сопротивление идентичности (при всей иллюзорности ощущения, что тем самым человек остается самим собой), наоборот, препятствует тому, чтобы субъект стал тем, кем он может быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.